

ИСТОРИЯ

А. К. Матвеев

К ПРОБЛЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ ЛЕТОПИСНОЙ МЕРИ

Проблема этнической принадлежности летописной мери, несмотря на многолетние исследования, еще далека от решения. Мало кто сомневается в финских истоках мерянского этноса. Но была ли меря волжско-финским народом, находилась ли в близком родстве с прибалтийскими финнами или являлась каким-то особым промежуточным финским этносом — на эти вопросы пока нет ответа.

Благодаря археологическим раскопкам мы достаточно хорошо представляем образ жизни и хозяйствования мери, а также этапы развития мерянского этноса и его обрусения¹. Большинство археологов считает мерю сильно расчлененным в этническом и диалектном отношениях волжско-финским народом. От лингвистов, изучающих сохраненные русским языком реликты мерянской речи, зависит окончательное решение вопроса.

В мерянской проблеме два основных направления поиска: определение места мери и мерянского языка среди финских народов и языков и установление территории ее расселения.

Решение первой задачи зависит прежде всего от количества и качества лингвистических источников, а также от адекватности принципов и методов исследования. Начиная с XIX в. в качестве основного источника информации о мерянском языке использовалась субстратная топонимия, распространенная на территории древних мерянских земель. Однако даже самые осведомленные и методически подготовленные исследователи имели в своем распоряжении относительно небольшой и не всегда качественный материал. Отсюда неаргументированные выводы и противоречивые суждения.

¹ См., например: Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. 94. М., 1961; Финно-угры и балты в эпоху средневековья М., 1987; Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья М., 1986; Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери // Советская археология. 1980. № 2.

Недавнюю попытку привлечь в качестве источника изучения мерянского языка другой вид реликтов — заимствования в русских говорах² — трудно признать удачной из-за некритического отношения к материалу, произвольного отбора фактов и прямолинейности исследовательских приемов. Перспективнее все-таки изучение географических названий: они несравненно многочисленнее, системнее, точно привязаны географически и легче распознаются как мерянские. Методика изучения субстратных топонимов также достаточно хорошо разработана. Поэтому можно надеяться, что по завершении сбора топонимического материала проблема лингвоэтнической идентификации мерянского языка будет решена. При этом и достоверно установленные мерянизмы русских говоров найдут свое место в процессе реконструкции языка.

Но есть и вторая задача — установление границ расселения мери. Постановке этой задачи и поиску путей ее решения и посвящена статья. Вообще говоря, территория, освоенная летописной мерей, давно определена. Иногда ее называют “историческими мерянскими землями” (ИМЗ), включая в них современные Владимирскую, Ивановскую, Ярославскую области, восточную часть Московской и западную часть Костромской. Считается, что “костромская” меря вторична по отношению к “центральной”³. Хотя для этого предположения есть основания, вряд ли следует совсем обособлять костромскую мерю, поэтому занятая ею территория обычно включается в ИМЗ, образуя их северо-восточную периферию.

Этот уже утвердившийся взгляд на расселение мери основывается на исторических сведениях, извлеченных из русских летописей, археологических материалах, а также на распространении этнотопонимов, содержащих этноним *меря*. Дальнейшего обсуждения требуют, однако, северные пределы расселения мери, которые “по определению” условно проводятся по северным границам Ярославской и Костромской областей. Прежде всего следует вспомнить о “мерянской гипотезе” финского ученого Я. Калимы, справедливо указавшего на совпадение или близкое сходство некоторых гидронимов ИМЗ, мерянских по его мнению, с географическими названиями Русского Севера (РС)⁴. Эти соответствия рассматривались им как результат переноса мерянской топонимии русскими в ходе освоения РС. Верные по сути наблюдения были абсолютизированы. Именно поэтому специалисты отвергли гипотезу Калимы, хотя отдельные случаи переноса названий русскими или переселявшимися вместе с ними мерянами могли иметь место.

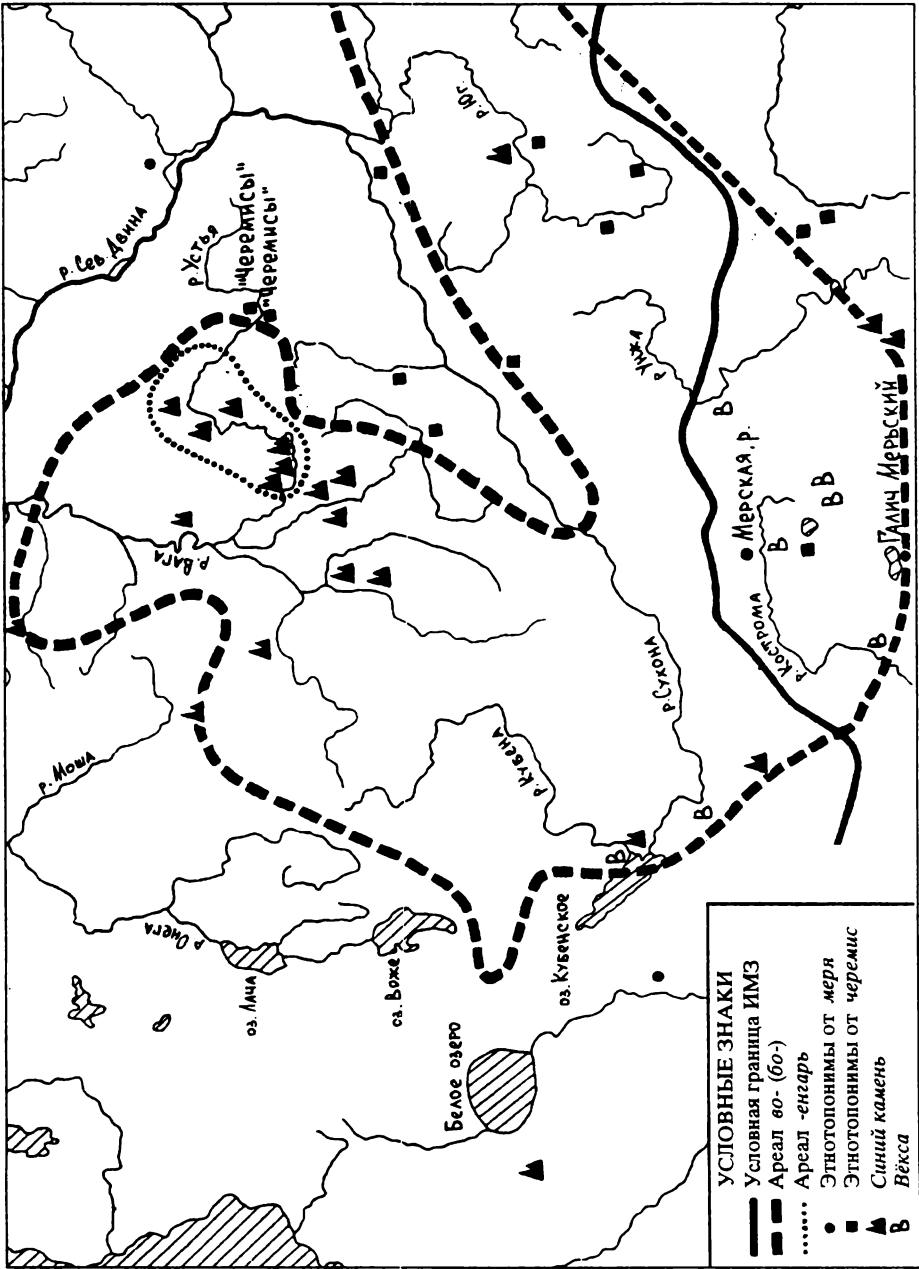
Так, возможность переноса названий ИМЗ на РС подтверждается острым мерянской топонимии с ярко дифференцирующим гидроформантом *-енгарь* (ср. марийск. *энгер* “речка”) в среднем течении реки Устья на юге Архангельской области (карта 1). Географические названия среднеустьянского микрорегиона уже были подробно охарактеризованы⁵, поэтому ограничимся здесь указанием на довольно позднее происхождение местной

² См.: Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985.

³ См.: Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья.

⁴ См.: Kalima J. Äänisen tienoon paikannimiä // Virittäjä. 1941. 3—4; Karjalaiset ja merjalaiset // Uusi Suomi. 1942. 19. 7.)

⁵ См.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 11—16.

Карта 1. Мерянские индикаторы в топонимии южной части РС

мерянской топонимии, связанной скорее всего с переселением какой-то части мерян в процессе русского “ростово-суздальского” освоения важского края (“низовской” колонизации)⁶. Важно подчеркнуть также, что на Устье меряне, говорившие, по нашему мнению, на одном из древних волжско-финских языков, близком к марийскому, могли подселиться к родственному “севернофинскому” населению⁷.

Существование этого островного топонимического микрорегиона само по себе еще не является основанием для переноса границ мерянского расселения к северу, однако наблюдения Калимы, среднеустьянский микрорегион и так называемые “ростовщины” РС⁸ свидетельствуют о возможности миграции мерянского этноса в северном направлении. На это же, по существу, указывает предположение о вторичности костромской мери. Поэтому и целесообразен поиск мерянских следов на территориях, непосредственно примыкающих с севера к ИМЗ, т. е. современных Вологодской и юге Архангельской областей.

Уточнение северных границ расселения мери должно осуществляться комплексным путем: как по историческим и археологическим сведениям, так и по лингвистическим данным — русской этнотопонимии и собственно мерянской топонимическим реликтам. Именно при решении этого вопроса перспективны контакты археологии и лингвистики, которые могут объединиться на общей базе — картографировании — и тем самым направлять и корректировать совместные поиски.

Однако пока мы не располагаем какими-либо историческими сведениями о пребывании мери на территориях к северу от ИМЗ, а доступный нам археологический материал, который может быть истолкован как мерянский, относится лишь к одному виду источников — украшениям (подвески-коньки, треугольные подвески) — и только к одному месту — истоку Шексны у Белого озера⁹, так что еще неизвестно, действительно ли он принадлежит собственно мере. Этнонимы и этнотопонимы, прямо указывающие на мерю, как это находим на территории ИМЗ, включая Костромской край, между Белым озером и Северной Двиной тоже пока не обнаружены. Зато топонимические факты достаточно красноречивы, и они должны с течением времени или найти подтверждение в археологическом материале и рассматриваться как мерянские, или получить какое-то другое объяснение, тем более что характер предполагаемого освоения мерянами более северных земель далеко не ясен и столь же трудно решить вопрос о том, когда расселялась здесь меря — в период ее контактов с русскими или раньше.

Следует все же заметить, что еще не совсем утрачена надежда обнаружить на исследуемой территории этнотопонимы, производные от *меря*, поскольку одно такое название — *Мерьские болота* — записано в Красноборском районе Архангельской области на правом берегу Северной Двины, но в относительной близости от позднемерянского микрорегиона на

⁶ См.: Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.

⁷ См.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема. С. 15, 20—21.

⁸ См.: Бернштам Т. А. Указ. кн. С. 262, 265.

⁹ См.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 70. Карта 12.

средней Устье (см. карту 1). Для этого этнотопонима находятся надежные соответствия в ИМЗ: *Мерские болота* в Мантуровском районе Костромской области и болотце *Мерьское* в документе 1504 г., относящемся к Звенигородскому уезду. Зафиксированы еще названия ручья *Мерьков* в Вилегодском районе Архангельской области и луга *Меричевых Чища* в Шексинском районе Вологодской, но если эти топонимы и связаны по происхождению с этнонимом *меря*, то лишь опосредованно через антропонимы *Мерько* (ср. *Варяжко*) и *Меричев* (<* *Меричи*), а этноантропотопонимы обычно не являются надежными этническими индикаторами. Кроме того, название ручья *Мерьков* может восходить и к русскому *Мерька* (от личного имени *Меркурий*).

Примечателен и другой факт из области этнической ономастики. При полном отсутствии этнотопонимов, образованных от наименования *меря*, в бассейнах Юга и Сухоны засвидетельствован ряд названий, производных от этнонима *черемис* (*Черемиска*, *Черемиски*, *Черемисские* и т. п.), а еще далее к северу близ “мерянского треугольника” в бассейне средней Устья жителей двух смежных сел Дмитриево и Кырканда до сих пор именуют *Черемисами* (см. карту 1).

Этнотопонимы с основой *черемис-* в бассейнах Юга и Сухоны скорее всего действительно связаны с проникновением в эти районы из Поволжья каких-то, видимо, незначительных групп марийцев: во всяком случае пока здесь не обнаружена марийская топонимия. Напротив, былая этническая принадлежность носителей коллективного прозвища *Черемисы* в бассейне Устья более проблематична: можно думать, что сюда переселилась достаточно крупная группа какого-то волжского населения, но при полном отсутствии марийских названий в этих местах широко представлены мерянские.

Автор далек от мысли отождествлять *мерю* и *мари* (черемисов), хотя, как уже было сказано, считает марийцев наиболее близким к мере финно-угорским народом. Допустимо, однако, что необыкновенно быстрое исчезновение мери со страниц русских летописей связано не только с ее относительной малочисленностью и быстрым обрусением, но и с перенесением на ассимилируемых мерян наименования этнически и лингвистически наиболее близкого и притом территориально смежного народа — черемисов. В те времена такие переносы были очень широко распространены. Несмотря на многочисленные попытки отделить этнонимы *меря* и *мари* друг от друга, есть все же намного больше оснований видеть в них фонетические варианты одного слова, что также подкрепляет предположение о возможности переноса этнического названия *черемисы* на мерян в позднее время.

Некоторые факты собственно русской топонимии более определенно указывают на наличие общего этнического субстрата в ИМЗ и южной части РС. Таковы названия камней и урочищ *Синий камень*, которые давно обратили на себя внимание краеведов и археологов на территории Ярославской области и единодушно увязываются с мерянским языческим культом. Недавно они были изучены А. Алквист и тоже рассматриваются как сакральные¹⁰. Есть подобные названия и в западной (мерянской) части Костромского края и на РС, где их распределение специфично (см. карту 1):

¹⁰ См.: Алквист А. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10.-15.8. 1995. Pars VII. Jyväskylä, 1996. С. 247—255.

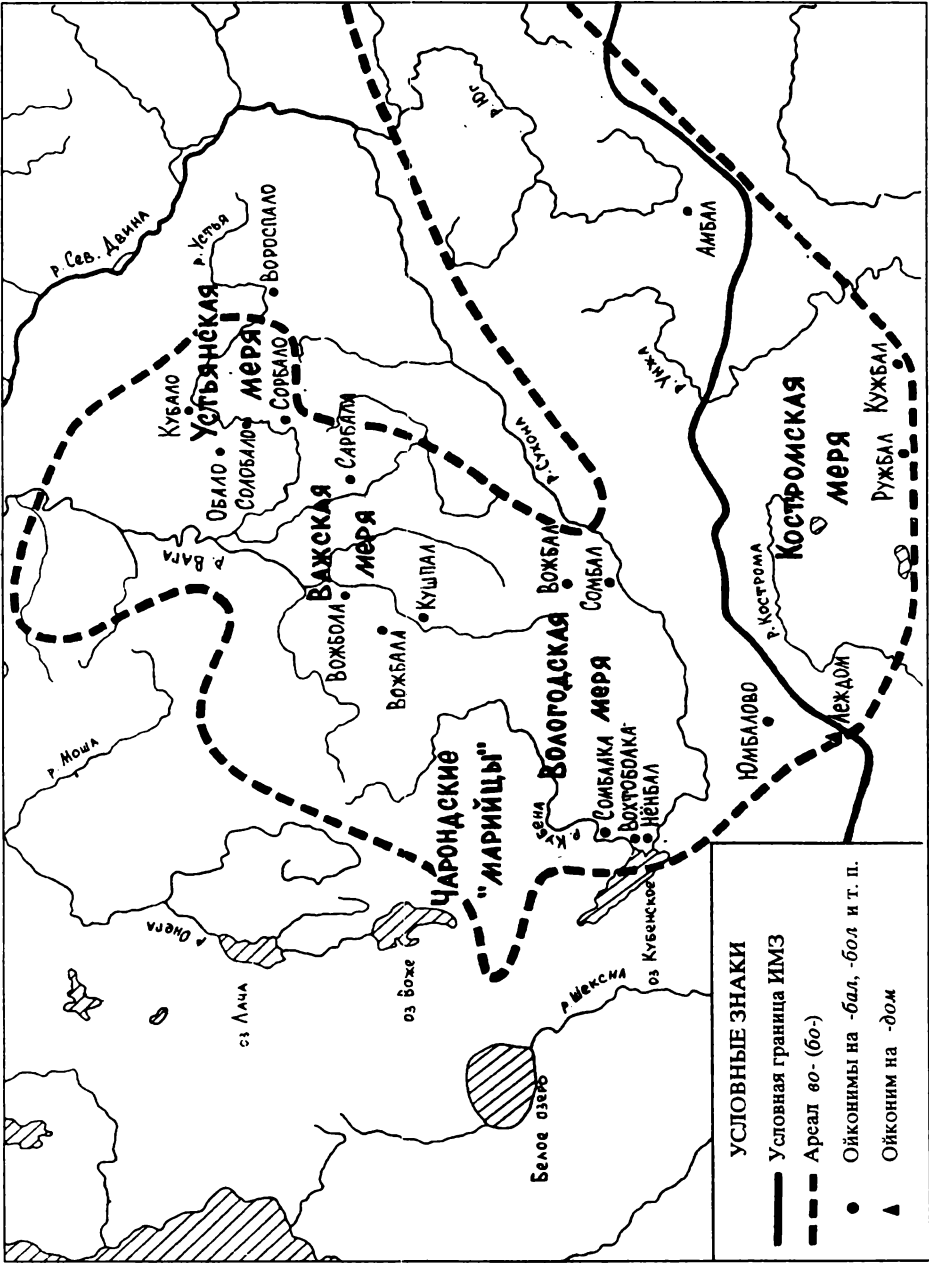
семь микротопонимов *Синий камень* в бассейне средней Устьи, четыре в Вельском районе Архангельской области и два в Верховажском районе Вологодской (всего 13) явно образуют одну общую зону в бассейне Ваги. На всей остальной территории РС засвидетельствовано только семь таких названий: по одному в Няндомском, Онежском, Шенкурском районах Архангельской области и Белозерском, Грязовецком, Кичменгско-Городецком и Усть-Кубинском районах Вологодской, причем няндомский и шенкурский *Синий камень* тоже могут быть связаны с важским ареалом. Зона Синих камней в Поважье, включающая в себя и ареал топонимии среднеустьянских мерян (см. карту 1), по своей плотности сопоставима с Синими камнями Ярославщины, и это дает возможность предположить, что население важского ареала этнически связано с ИМЗ.

Явно объединяет древнее Поважье, а также верхнее Присухонье с северной частью ИМЗ, прежде всего с Костромским краем, причудливая изоглосса сочетания звуков *во-* (*бо-*) в начале слова, установленная при сопоставлении различных фонетических вариантов одной из самых распространенных на РС и тем не менее семантически загадочной топоосновы *бохт-*, *вохт-*, *охт-*, *ухт-* (см. карты 1, 2). Предложенные для нее значения “проток”, “медведь”, “волок” с точки зрения семантической типологии одинаково приемлемы. Но для нас важнее другое: на большей части РС распространены основы *охт-* (*Охтома*, *Охтонга* и т. п.) и *ухт-* (*Ухта*, *Ухтома* и т. п.), а в Поважье, включая среднюю Устью, верхнем Присухонье и Костромском крае им соответствуют *вохт-* (*Вохта*, *Вохтенка*, *Вохтоболка*, *Вохтога*, *Вохтома* — четыре названия, *Вохтомец*, *Вохтомица*, *Вохтыш*, *Вохтюга*) и *бохт-* (*Бохтема*, *Бохтеньга*, *Бохтюга* — два названия). Топонимы с начальным *бо-* явно восходят к названиям с *во-*: они сосредоточены в западной части ареала, примыкающей к Белозерскому краю, где начальное *б-* встречается очень часто (*Бонга*, *Бонема*, *Бояро*, *Буеро*, *Буйлохта* и т. п.). Южнее, в центральной части ИМЗ, снова фиксируются гидронимы с основной *ухт-* (*Ухтома*, *Ухтохма*)¹¹. Это позволяет рассматривать названия с начальным *во-* (*бо-*) как “островную” инновацию и высказать предположение, что меря — относительно позднее этническое образование, возникшее на субстрате южного ответвления севернофиннов. Но даже если анализируемая основа относится к числу севернофиннов, появление протетического *в-* (>*б-*) могло произойти и на мерянской почве¹². Эту возможность подтверждает и топоним *Вохтоболка* с мерянским ойконимическим формантом *-бол*. Примечательно также, что почти все названия *Синий камень* на РС (кроме белозерского и онежского, которые могут оказаться обычными “цветными” наименованиями) входят в ареал *во-* (*бо-*).

В пределах этого ареала находятся и другие топонимические факты, однозначно сопоставляемые с мерянскими. Особый интерес представляет комплекс гидронимов *Вёкса*, обозначающих озерные стоки (в Костромской области известен и диалектный географический термин *вёкса* “сток из

¹¹ Об изолированном *Вохтенка* в нижнем Поочье (см.: Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 190) трудно сказать что-либо определенное.

¹² В марийском языке известны случаи возникновения протезы *в-* перед начальным гласным. См. об этом: Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1964. С. 230—231.

Карта 2. Расселение северной мери

озера”), которые все исследователи относят к мерянизмам (ср. марийск. *икса* “залив”, “пролив”, “проток”), так как в бесспорно мерянских микрорегионах стоки из озер Плещеево (Переславльское) и Неро (Ростовское) называются *Вёкса*. Северо-восточнее в западной части Костромской области гидроним *Вёкса* засвидетельствован многократно, что в свою очередь позволяет считать термин достоянием северо-восточный (костромской) мери. И наконец, что для нашей темы особенно важно, гидроним *Вёкса*, опять-таки обозначающий сток из озера, зафиксирован в низовье реки Вологды и в акватории Кубенского озера, т. е. в верхнем Присухонье (см. карту 1).

В других районах РС ни гидроним *Вёкса*, ни географический термин *вёкса* не засвидетельствованы, но зато многократно записан фонетически близкий к ним и точно соответствующий марийской лексеме гидроним *Икса*, безусловно обозначающий в каких-то северных наречиях озерный сток. Наличие протезы *в* в *Вёкса* (при марийск. *икса* и более северных гидронимах *Икса*) хорошо объясняется тем, что все названия *Вёкса* находятся в пределах ареала *во-* (*бо-*).

Если ареал *Вёкса* однозначно истолковывается как мерянский, то интерпретация ареала *Икса* к северу от *Вёкса* вызывает значительные трудности, несмотря на “марийские” этимологии для многих смежных названий в некоторых микрорегионах РС. Так, на южных берегах озера Воже находим: *Вожега* — марийск. *вож* “корень”, “ветвь”, “развилина”, *Вондонга* — *вондо* “куст”, *Иксома* — *икса* “залив”, “пролив”, “проток”, *Корнома* — *корно* “дорога”, “путь”, *Лапач* — *лап* “низкий”, “низина”, *Тинготом* — *тенге* “деньги” + *дымо* — аффикс отсутствия признака, т. е. “Бездзнежная”, *Шимка* — *шеме*, *шим* “черный” и др. В этой вожегодской (чарондской¹³) топонимии (см. карту 2) приходится видеть или какой-то волжско-финский субстрат, близкий к собственно марийскому языку, или особое мерянское наречие (язык), которое было распространено на значительной части РС. Кроме того, необходимо считаться и с севернофинской версией. Все эти вопросы, однако, уже выходят за рамки нашей статьи.

Очевидно, в поисках мерянских следов на РС в первую очередь надо учитывать такие наименования, которые засвидетельствованы и на территории ИМЗ, и на примыкающей к ним южной части РС, ограниченной ареалом *во-* (*бо-*), но не имеющие параллелей на других более северных территориях и, следовательно, достаточно надежно увязываемые с мерянскими данными (ср. *Вёкса*).

Однако, принимая версию, что ареал *во-* (*бо-*) имеет отношение к мере, а на это указывают и более ограниченные ареалы, которые были выявлены в его пределах (*Синий камень*, *Вёкса*, *-енгарь*), можно попытаться идентифицировать как мерянские и некоторые другие факты субстратной топонимии, засвидетельствованные не только в ареале *во-* (*бо-*), но и в более северных районах РС. Правда, однозначные результаты в этом случае получить трудно. Показателен, например, гидроним *Шокша*, который уже Я. Калима связывал с мерянским материалом. Действительно, в марийском языке есть слово *шокш* “рукав”, а по широко известному в географической

¹³ *Чаронда* — населенный пункт на берегу озера Воже, которое нередко называют *Чарондским*.

терминологии метафорическому переносу также “рукав реки”¹⁴. Е. М. Поспелов насчитал на РС девять рек с названием *Шокиша*¹⁵, что существенно подкрепляет версию о его исходной терминологичности. На территории ИМЗ зафиксировано несколько названий рек *Шокиша* и населенных пунктов *Шокишова*, причем уже краевед А. А. Титов относил гидроним *Шокиша* к числу мерянских¹⁶. В интересующем нас ареале *во-* (*бо-*) также есть реки с названием *Шокиша* (басс. Ваги в Вельском районе Архангельской области, басс. Кубены в Сямжинском районе Вологодской области). Казалось бы, имеются все основания считать наименования такого рода и на РС мерянскими, но в этом случае и карельское *Шокиша* близ Петрозаводска следует рассматривать как мерянское, что все же сомнительно. Поэтому пока приходится ограничиться предположением, что мерянскому *Шокиша* ИМЗ и ареала *во-* (*бо-*) соответствовало то же самое слово в севернофинских языках.

К более значимым результатам приводит изучение некоторых названий на *-бал*, *-бала*, *-бол*, *-бола*, *-пол* и т. п., встречающихся как на территории ИМЗ, так и в ареале *во-* (*бо-*). Эти названия представляют большой интерес, потому что они, по общему мнению исследователей, в ИМЗ являются яркой дифференцирующей чертой мерянской топонимии. Этимология форманта *-бал*, *-бол* и т. п. пока не установлена, но для решения проблемы расселения мерян она не имеет особого значения: важно, что это, бесспорно, ойконимический формант, характерный для мерянских названий поселений и достаточно широко распространенный на территории ИМЗ, где зафиксировано несколько десятков таких наименований (*Атебал*, *Брембола*, *Искробол*, *Курдобалово*, *Мушпал*, *Ружбал*, *Яхробол* и т. п.).

Так как с севера к ареалу мерянских названий на *-бал*, *-бол* и т. п. примыкает обширная зона фонетически тождественных или близких наименований типа *Вожбола*, *Нёнбал*, *Юмбалово* и др., охватывающая в широтном направлении районы Белого и Кубенского озер, верховья Ваги и бассейн Устья, правомерно возникает вопрос, не являются ли и эти названия мерянскими, поскольку по топоформанту они неотличимы от мерянских ойконимов ИМЗ. В сущности и фиксируемые еще далее к северо-востоку пинежские и мезенские наименования деревень типа *Кушкопола* и *Летопола* тоже близки к мерянским топонимам. Но топоформант может быть общим для целого ряда языков, совпадая полностью или варьируя. Поэтому вопрос о возможности мерянского происхождения севернорусских названий на *-бал*, *-бол* и т. п. следует решать, во-первых, анализируя топоосновы, а во-вторых, ограничиваясь пределами ареала *во-* (*бо-*) (см. карту 2).

Если считать мерянский язык более или менее близким к марийскому, для некоторых наименований на *-бал*, *-бол* и т. п. в этом ареале можно найти достаточно убедительные марийские соответствия, ср., например, название деревни *Юмбалово* (Междуреченский район Вологодской области) <**Юмбал(а)* и марийск. *юмо* “бог”, “божий”, т. е. “Божья деревня”. Предлага-

¹⁴ См.: Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974. С. 130.

¹⁵ См.: Поспелов Е. М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. Вопросы географии. Сб. 81. М., 1970. С. 99.

¹⁶ См.: Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое описание. М., 1885. С. 50.

емая этимология фонетически и семантически как будто бы не вызывает возражений, но топоним *Юмбалово* находится недалеко от северной границы ИМЗ и поэтому не очень показательна.

Намного интереснее мерянские связи топонима *Вожбола*. Так называется часть деревни Савинской на левом берегу реки Ваги (Вельский район Архангельской области). Тополексема *вож* “исток”, “приток”, “пассок” хорошо известна в ИМЗ, где она зафиксирована как географический термин в самостоятельном топонимическом употреблении в форме *Евожа* (притоки Колокши, Ухры, Юхоти в Ярославской области). Этот термин сопоставляется с марийск. *вож* “корень”, “ветвь”, “развилка”. В качестве тополосновы слово *вож* представлено на территории ИМЗ в названиях *Вожегга*, *Воженка*, *Вожуга*, в роли топоформанта в наименованиях на *-бож*, где *б* из билабиального мерянского **w* (ср. *Егобож*, *Кибож* и т. п.)¹⁷. На РС обычны гидронимы с коррелятивным топоформантом *-важ* (*-важ*, *-миж* и т. п.) и тополосновой *важ-* (*Важа*, *Важица*, *Важуга* и т. п.), хотя достаточно частотна и тополоснова *вож-* (*Вож*, *Вожегга*, *Воженка* и т. п.)¹⁸.

Наличие одного топоформанта (*-важ*) при двух тополосновах (*важ-* и *вож-*) объясняется, видимо, тем что в безударной позиции на русской почве восторжествовал вследствие выравнивания более распространенный формант *-важ*. Тополосновы же находятся под ударением и сохранили различие *а* и *о*, связанное с разным временем освоения звука *а* языка-источника.

Ойконим *Вожбола* хорошо иллюстрирует сложность и неодновременность фонетических процессов на РС, особенно если сравнить его с названием реки *Вага*, на берегу которой расположено селение. В свое время уже было показано, что гидроним *Вага* восходит к более древнему *Важка* < **Важ* “Приток” и возник в русском языке по модели обратного словообразования¹⁹. Очевидно, ойконим является более древней формой, в которой *а* языка-источника отражено в виде *о* (< **važwa!* или **wažwa!*), тогда как *Вага* (< *Важка* < **Важ*) — более поздней. Гидроним *Вага* находится на западной периферии ареала географических названий на *-важ*, которые во многих отношениях близки к топонимам на *-бож* ИМЗ²⁰, но далеко не во всех случаях являются собственно мерянскими²¹. Однако семантику названия *Важ*

¹⁷ Ср.: Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas III. Merja und Tschere-missen // SPAV. Phil.-hist. Klasse. Bd. XIX. Berlin, 1935. С. 540, 557, 559, 587—588.

¹⁸ В случаях *Важуга*, *Вожегга* надо предполагать наличие гидроформанта *-V+ga*, который соотносится с марийск. *йога* “течение”, “поток” или карел. *jogi*, саам. *jokk* “река”. Наименование озера *Вож* может быть вторично по отношению к гидрониму *Вожегга*, что типологически не является редкостью. Если же гидроформат *-V+ga* связан с прибалтийско-финско-саамскими источниками, это свидетельствует о большей древности волжско-финского пласта, что закономерно на фоне довольно редких фиксаций волжско-финской микро-топонимии на РС.

¹⁹ См.: Матвеев А. К. Вашка и Вага // Русская речь. 1976. № 1.

²⁰ См.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема. С. 7—8, 15.

²¹ Ср., однако, такие названия, как *Кибож* “Каменный исток” (марийск. *ку* “камень”) в ИМЗ, *Куваж* в среднеустыянском микрорегионе и *Куваж* (дважды) в Вельском районе Архангельской области, указывающие на наличие общего мерянского субстрата в Повжье.

О *ки* ~ *ку* см.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема. С. 13.

бола можно считать установленной — “Важская деревня” или “Деревня на Притоке”, “Приточная деревня”. Предлагаемая этимология подтверждается еще двумя подобными названиями: урочища *Вожбала* на притоке реки Пежма в Верховажском районе Вологодской области и реки *Вожбал* в Тотемском районе той же области, причем во втором случае наименования *Вожбальский* сельсовет и урочище *Подвожбалье* близ деревни Село могут указать на первичность ойконима *Вожбал*, перенесенного затем на реку, которая первоначально именовалась просто **Вож*.

Учитывая, что все эти названия зафиксированы в пределах ареала *во-* (*бо-*), можно не без оснований связывать их происхождение с мерей, тем более что в других районах РС они не засвидетельствованы. Но анализируемые наименования могут принадлежать и северным родственникам мерян (севернофиннам), так как предполагаемые мерянские топонимы трудно отличать от севернофинских, а топонимический ареал может охватывать и несколько языков. И хотя вероятность мерянского происхождения рассматриваемых названий велика, оно не может считаться полностью доказанным прежде всего из-за обширности ареала *-бал*, *-бол* и т. п., охватывающего огромную территорию, включая и ареал *во-* (*бо-*). Само собой разумеется, что севернофинны в этом случае должны рассматриваться как предшественники мерян в пределах ареала *во-* (*бо-*), а севернофинские ойконимы — как мерянские по употреблению.

Обобщая все эти довольно разнородные факты, можно высказать предположение, что мерянская миграция была направлена не только на северо-восточную периферию в Костромской край, но и на север к Кубенскому озеру, реке Вологде, верховьям Сухоны и Ваги. Насколько далеко меря продвинулась в северном направлении, сказать пока трудно, возможно, до линии Кубенское озеро—река Устья. Но вряд ли это движение на север было одновременным, особенно учитывая позднемерянский характер среднеустьянского ареала и фиксацию этнонима *черемисы* на его границах.

Новые данные как будто бы позволяют, кроме среднеустьянской мери, выделять также важскую (в верхнем течении Ваги, исключая бассейн средней Устья) и вологодскую (см. карту 2). Выделение этих групп северной мери облегчает идентификацию мерянских названий в пределах соответствующих микрорегионов. Так, на территории вологодской группы, установленной по индикаторам *Синий камень*, *Вёкса* (дважды), *-бал*, *-бол* (*Вожбал*, *Вохтоболка*, *Нёнбал*, *Сомбал*, *Сомбалка*)²², где наименование самой реки *Вологда* может быть связано с марийск. *волгыдо* “светлый”, обнаружены названия река *Кондоба* и озеро (и болото) *Чухлома* (ср. костромские топонимы *Кондоба* и *Чухлома*). Это позволяет думать о костромских истоках вологодской мери (ср. еще костромское *Вёкса*)²³. Что касается Поважья,

²² Название *Вёкса* в бассейне Вологды в свое время выявил и также определил как мерянское А. И. Попов (Географические названия. Введение в топонимику. М.; Л., 1965. С. 89—90), а топонимы *Вожбал* и *Сомбал* относит к числу мерянских и А. В. Кузнецов (Язык земли Вологодской. Архангельск, 1991. С. 91—93), рассматривающий основу *вож-* “развилка” как мерянское соответствие вепсскому *sara* “рассоха”, измененному в русском языке на почве народной этимологии в *Царева* (*Вожбал* — левый исток Царевой).

²³ В верхнем Поважье и бассейне Устья этот индикатор отсутствует, возможно, потому, что здесь вообще мало озер и стоков из них.

включая Устью, то там скорее всего интегрировались переселенческие потоки центральной и костромской мер²⁴.

Значительный мерянский центр был, видимо, на восточном берегу Кубенского озера близ устья Кубены и истока Сухоны. Кроме названий *Синий камень*, *Вёкса*, *Вохтоболка*, *Нёнбал*, здесь находим еще такие наименования, как река *Кубена* и озеро *Кубенское* (ср. марийск. *куп* “болото”, *купан* “болотистый”: берега *Кубенского* озера сильно заболочены), *Туровские горы* (марийск. *тёр* “край”, ср. *куп тёр* “край болота”: горы тянутся вдоль Кубенского озера, окаймляя с северо-востока его болотистые берега), проток *Пельма* (марийск. *пел*, *пеле* “половина”: этот проток делит на две части дельту Кубены), наконец, многочисленные протоки с названием *Пучкас*, причем известен и географический термин *пучкас* “проток”, “пролив” (марийск. *пуч* “ствол”, “стебель”, “труба”, фин. *putki* “труба”, “ствол”, морд. *почко* “цевка”, “стержень”²⁵; ср. семантически точное соответствие в русском языке: *труба* “дудка”, “кишка”, “рукав”, “проток”, “ствол”, *речная труба* “русло меженное”²⁶; ср. также русское диалектное *пучка* “растение борщевник”, которое возводится к финно-угорским источникам²⁷.

Хотя эти данные во многом предварительны, уже сейчас возникают новые вопросы. Наиболее важный: появилось ли северомерянское население между Кубенским озером и Устьей в результате поздней миграции или образует северную периферию собственно мерянской популяции? Этот вопрос вряд ли относится, однако, к мерянскому населению в бассейне средней Устьи, по-видимому, связанному с довольно поздним переселением, а также к явно мерянским названиям крайнего юга Вологодской области, которые являются органичным продолжением собственно мерянской топонимии Ярославско-Костромского Поволжья: ср. название куста деревьев *Леждом* (Грязовецкий район Вологодской области) в верховьях реки Лежа (из **Лежедом*, т. е. “Лежская волость”, или “Лежское село”, если мерянский топоформант *-edom*, *-одом* действительно имеет это значение) и наименования ближайших населенных пунктов ИМЗ (*Тюхтедомово*, *Шушкодом* и др. (см. карту 2).

Сложен вопрос и о мерянском населении в районе Белого озера. А. И. Попов указывал, что Белое озеро было соединено с мерянскими центрами Ростово-Суздальского края удобным водным путем по Шексне. Поэтому в топонимии Белозерья могут быть мерянские элементы²⁸. Действительно, здесь обычны названия на *-бал*, *-пал*, (*Кодобал*, *Костобалка*, *Ледбал*, *Турпал* и т. п.), обнаружен *Синий камень*, есть река *Выкса* (но не *Векса!*), наконец, уже дальше к западу в Вытегорском районе Вологодской области А. В. Кузнецов нашел интересную мерянско-вепско-русскую метонимиче-

²⁴ См.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема. С. 12—16.

²⁵ Подробности об этом древнем финно-угро-самодийском слове см.: Suomen kielen etymologinen sanakirja III. Helsinki, 1962. С. 661—662.

²⁶ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 435.

²⁷ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3 1996. С. 415.

²⁸ Попов А. И. Топонимика Белозерского края // Учен. зап. Ленинград. гос. ун-та. № 105. Серия востоковед. наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948. С. 166—167.

скую кальку: *Шимозеро* (марийск. *шим* “черный” — вепс. *Must Houd* = русск. *Черная Яма*)²⁹. Ср. также выше о мерянских археологических памятниках в верховье Шексны. Тем не менее белозерский материал, пожалуй, ближе к чарондскому (см. выше), чем к топонимическим мерянизмам арела с начальным *во-* (*бо-*).

Несколько легче ответить на вопрос, когда обрусела северная мера, во всяком случае в Поважье и на Устье: в XVI—XVII вв. в Поморье наряду с четырнадцатью уездами, заонежскими и лопскими погостами особо выделялись Устьянские волости, охватывающие бассейн Устья и верхнюю Вагу, а также Чарондская округа³⁰. Создание этих административных территорий было, видимо, каким-то образом связано с существовавшими еще в то время мерянами в Устьянских волостях и чарондскими “марийцами” в Чарондской округе (см. карту 2). Вологодская мера, судя по всему, обрусела раньше.

Хотя предположение о проникновении мерян в южную часть РС подтверждается рядом лингвистических аргументов, оно требует дальнейших углубленных разысканий и не только в области топонимии. Данные одной науки, в частности языковые, при всем их значении все-таки недостаточны для доказательных этногенетических выводов. Будущее покажет, подтвердятся ли результаты лингвистического поиска археологическими материалами.

В. М. Морозов. С. Г. Пархимович

МИГРАЦИИ ДРЕВНИХ КОМИ В НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ

Взаимоотношения коми с автохтонным населением Северо-Западной Сибири (ненцами, хантами, манси) и их роль в колонизации края уже давно привлекают внимание историков. Как правило, авторы отмечают, что коми были непременными участниками русских военных экспедиций за Урал начиная с новгородских походов в “югру и самоедь”. Прежде всего организаторы этих экспедиций ценили коми как знатоков “чрезкаменных” путей, хорошо ориентирующихся на просторах Нижнего Приобья и умеющих “толмачить”. Наиболее активными в освоении нижнеобского края были коми-зыряне, которые начиная с XI—XII вв. находились в зависимости от Новгорода и Ростовского княжества, а в конце XIV в. вошли в состав Московского государства. Особенно часто в русских летописях и грамотах упоминаются жители Выми и Вычегды: “...повеле князь великий Иван Скрыбе

²⁹ Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской. С. 82—84.

³⁰ См.: Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье XVI—XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 24—26.